

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Annotation

«Человек – умирает, мысль его остаётся жить. Эта живучесть мысли должна бы обязывать человека к известной сдержанности, когда он воплощает тёмные свои эмоции в слова, в мысли.

Писатель – человек, так сказать, публично мыслящий. Никто не станет отрицать, что у нас, на Руси, мысль писателя имеет особенную воспитательную ценность, пользуется исключительным вниманием. Русская литература – основа русской культуры, в русской литературе отражено всё наше дурное и хорошее – наше особенное...»

- [Максим Горький](#)

○

Максим Горький

Несвоевременное

Человек – умирает, мысль его остаётся жить. Эта живучесть мысли должна бы обязывать человека к известной сдержанности, когда он воплощает тёмные свои эмоции в слова, в мысли.

Писатель – человек, так сказать, публично мыслящий. Никто не станет отрицать, что у нас, на Руси, мысль писателя имеет особенную воспитательную ценность, пользуется исключительным вниманием. Русская литература – основа русской культуры, в русской литературе отражено всё наше дурное и хорошее – наше особенное.

Именно литература подсказала нам, что наш народ – хороший народ, что Русь – самое кроткое, сердечное и совестливое племя. Мы верим этому, хотя действительность часто и упрямо стремится поколебать нашу веру в исключительно добрые свойства народа нашего. Мы верим, что русские – самые лучшие люди, – таково влияние литературы, убеждавшей нас в этом на протяжении целого века.

Даже в безумные дни мировой бойни наша пресса изо дня в день отмечает великодушие русского солдата, рассказывая, как трогательно и любовно он относится ко врагу. В мирное время, в будничной обстановке, великодушие и сердечность народа наблюдается редко, а вот на войне люди становятся жалостливы и человечны, хотя на войне задача каждого солдата становится до ужаса простой: чем больше он искалечит и убьёт людей, тем меньше останется людей, способных убить его.

Но допустим, что это верно, – наш народ исключительно великодушен в домашнем быту и ещё более на полях битв, в мерзостной обстановке взаимного истребления десятков тысяч людей. Русский солдат великодушен ко врагу, он, может быть, глубоко понимает, что солдат-немец – такой же несчастный, подневольный человек, как и он, русский.

Теперь посмотрим, как относится к немцу русский писатель, культурный человек.

Фёдор Сологуб пишет: «Германские шпионы долетали до Перми и уехали не повешены».

Мне помнится, что я видел имя Фёдора Сологуба под протестом против смертной казни. Затем – я думаю, что, если какая-то власть нашла возможным не вешать немецких аэронавтов, а мирно отпустить их,

русскому писателю не надлежит беспокоиться тем, что немцев не повесили. И хвастаться тут нечем: будет посвободнее, мы и своих вешать начнем.

Тот же Фёдор Сологуб пишет: «Нас движут, конечно, побуждения совсем иного порядка, чем те, которыми брошена в бой Германия. Земель чужих нам не надобно, своих достаточно. Германию же движет корысть, тупая и жестокая».

Какие побуждения «движут» нас в этой войне и нужны ли нам чужие земли, Сологуб этого не знает. Это будет известно ему во дни переговоров о мире. Хотя по вопросу о земле некоторые народности могли бы и теперь уже оспорить утверждение писателя. Но не в этом дело. А что, если история, всегда более справедливая, чем вообще может быть справедлив человек – Сологуб, докажет ему, что Германия была вызвана на войну инстинктом самосохранения и что война была для неё так же неизбежна, как для Франции, для Англии? Что внеразумная сила капитализма создала против воли и разума людей такие условия, которые могли быть разрешены только войной, общеевропейской катастрофой?

Как хорошо было бы, если бы Сологубы подождали выражать свои мысли в формах, столь свирепых и решительных! Мысль писателя – публичная мысль, она отдаётся всем, и если она больная, то заражает всякого, кто соприкасается с нею.

Другой Сологуб – Арцыбашев – утверждает, что «дух вражды и зверства, воплотившийся в личности кайзера, присущ огромному большинству немцев», и, следовательно, снимая с Вильгельма исключительное обвинение, переносит его на всю тевтонскую народность.

Такие утверждения, несомненно, послужат развитию национальной и расовой ненависти.

Славная своей гуманностью, своим великодушием русская литература никогда не говорила таким языком.

Куприн пишет в сборнике «Война»: «В русском народе развито чувство огромной терпимости к другим нациям и беспристрастной оценки их достоинств», но в той же своей статейке он говорит: «Против нас идут полчища диких, некультурных гуннов, которые будут всё жечь и уничтожать на своём пути и которых надо уничтожить до конца».

Желание уничтожить людей «до конца» едва ли может быть наименовано желанием беспристрастным. Беспристрастие обязывает грамотного человека знать, что на войне все солдаты – немцы, французы и другие – с одинаковым усердием жгут и уничтожают всё, что можно уничтожить и сжечь. Война – безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие

мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку.

Леонид Андреев, не отставая от своих товарищей в деле выражения свирепых эмоций, тоже усердно обливает немецкий народ уксусом и желчью.

«Мы протестуем и выражаем наше презрение немецкому народу», – пишет он, очевидно, веря всему, что говорит о немецком народе уличная пресса, так успешно торгующая ненавистью.

В другой своей статье он взывает к людям:

«Множьте любовь. Множьте любовь».

Странный способ множить любовь в мире, выражая презрение целой нации и тем как бы вычёркивая её из мира.

Не особенно давно Л. Андреева интересовали идеи высшей справедливости, и он посильно служил этим идеям своим талантом, своей фантазией. Справедливость требует, чтобы раньше, чем судить виноватого, были расследованы мотивы его вины. Этого требует не высшая, а примитивная справедливость, знакомая даже русскому мужику. Тем более она должна быть знакома писателю. Но Л. Андреев, потеряв себя в путанице событий, повторяет с улыбкой те слова, которые умножают ненависть.

Кстати, в одной из своих статей он писал: «Ещё недавно кричал на нас К. Либкнехт: «Варвары, вас надо выкинуть за Урал».

Могу его уверить, что он введён в заблуждение каким-то клеветником. Карл Либкнехт не говорил и не мог сказать приписанных ему слов. Он искренно любит Русь и русских, он человек очень стойкий в своих мнениях. Эта стойкость доказана им точно так же, как он доказал своё прекрасное отношение к русским тою умной и деятельной помощью нашим соотечественникам, которую он организовал в Берлине в первый месяц войны.

Об этой его работе писалось в русских газетах. Эта гуманная работа не оставлена им и по сию пору.

Я, конечно, не стану отрицать, что многие из немцев желали бы отодвинуть Русь за Волгу и Урал, я не однажды слышал это из уст очень интеллигентных немецких людей – писателей, журналистов. Но ведь и многие из русских интеллигентов тоже выражали и выражают желание «отодвинуть», «уничтожить до конца» соседние племена и нации. Не надо забывать, что Московское княжество выросло в русскую империю не иначе, как путём «отодвигания» соседей.

Четверо наиболее крупных писателей, люди влиятельные на Руси,

высказались о своём враге-немце беспощадно и жестоко. Все они единодушно говорят, что немец – урод, зверь, чудовище. Они осуждают не солдат, не один какой-либо класс, а целую нацию.

Менее значительные писатели идут за ними, изо дня в день повторяя слова ненависти и злобы. Многие из них делают это, наверное, только потому, что этого требует улица, лично же они глубоко равнодушны к немцам, к русским и ко всему миру. Пресса разносит эти потоки тёмных чувств, пыль холодной злобы по всей стране.

Мне кажется, что во дни крушения культуры задача писателя не эта. Защитник справедливости, правды, свободы, проповедник уважения к человеку, русский писатель должен бы взять на себя роль силы, сдерживающей бунт унижительных и позорных чувств. Горько и стыдно читать слова поручика Куприна:

«Мне до сих пор неловко за то, что я – писатель и наиболее штатский среди старших товарищей, но я всеми силами постараюсь их навестать».

И невольно думается: а ведь русские серенькие солдаты, наши мужики, относятся к своему врагу человечнее, честнее, благороднее, чем культурные люди, русские писатели.

Господа! Сделайте отсюда надлежащие выводы...